

ВЛИЯНИЕ ДИМОРФИЗМА НА КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Пантилеенко Е.С.

Философские вопросы относительно теорий андрогинной личности акцентировали на себя внимание разных учёных и мыслителей. Одним из таких является книга известного австрийского мизогиниста Отто Вейнингера "Пол и характер" (1903). Автор затронул проблемы мужских и женских начал в абстрактном противопоставлении и произвел натурфилософский подход к глобальным вопросам рубежа XVIII-XIX в.в., но без диалектических моментов.

Как считает Вейнингер в своей работе «Пол и характер», философские проблемы затрагивают не только высшие проблемы бытия, но и, начиная с древности, просто «тайны жизни», не столько отвлеченные начала мужского и женского, сколько реальные взаимоотношения полов. Известный психолог исходит из внутренней и внешней антагонистичности мужчин и определённой неполноценности женщин. Он полагает, что половая функция типичного мужчины по отношению к типичной женщине – это превращать бессознательное в сознательное. В абсолютной женщине, считает О.Вейнингер, нет своего Я, души, индивидуальности, она не является личностью. Женщина «как целое, есть отрицание всякого смысла, она бессмысленна»[1;161].

Научным базисом для Вейнингера является, как известно, не новая в европейской науке, но самостоятельно им переработанная теория бисексуальности, то есть двуполости всего живого. Основываясь на данных современной биологии, Вейнингер утверждает, что в природе нет такого живого существа, которое можно было бы просто определить как принадлежащее к тому или другому полу [1;25]. В действительности повсюду наблюдается колебание между двумя крайними типами

мужественности и женственности, которые в чистом виде нигде не встречаются. Каждый индивид помещён где-нибудь в промежутке между этими полюсами, и ввиду этого во всяком отдельном случае, таким образом, наука не может ограничиваться простым указанием на пол, но должна принимать дробное содержание обоих элементов. Не вдаваясь в оценку научного значения теории бисексуальности, которое еще только рассматривается учёными, можно отметить, что, взятая в чистом виде, эта теория могла бы служить скорее подтверждением, нежели опровержением идеи полового равенства. Проблема, как утверждают исследователи, в том, что хотя, по Вейнингеру, половые различия даны уже в клетках, но из этого у него совсем не следует, что все клетки одного тела должны обладать одинаковым содержанием мужского и женского. Напротив, «клетки одного и того же тела могут находиться даже по разные стороны той безразличной среды, которая лежит между двумя полюсами» [1;33]. В зависимости от этого разные части тела обладают неодинаковой половой характеристикой, или, иначе говоря, различной степенью мужественности и женственности. Так, например, встречаются хорошо развитые мужчины с едва заметной бородой и слабой мускулатурой или почти типические женские особи с едва означенными грудями. Автор исследует индивидуумов с женскими бедрами и мужскими голеньями, с женским правым и мужским левым бедром. Более конкретно, по его наблюдениям, замечается различие в кодовой характеристике между правой и левой половиной тела, симметрия которых представляет только идеальный случай.

Исходя из такого неравномерного распределения мужественности и женственности в пределах одного и того же организма, Вейнингер приходит к выводу, что «нет резкого различия между мужской и женской особью и что существуют только бесчисленные смешанные типы обоих полов формы»[1;31-45]. А если это так, то как хорошо развитые masculina могут обладать женоподобной внешностью, так и почти идеальные feminina

в свою очередь могут иметь благоустроенный мозг и прочный запас духовных сил.

В научном исследовании Вейнингера концепции мужчины и женщины настолько несоизмеримы, что их нельзя рассматривать не только в одной плоскости, но даже на одной линии, поставив мужчину впереди, а женщину позади, ибо самый плохой мужчина все же выше лучшей женщины.

Вейнингер замечает, что женщина перебивает в иной плоскости, чем мужчина, она совершенно не понимает мужского мышления. Как показывает автор, женщина ищет у мужчины разъяснения своих неясных ей ощущений, она требует от мужчины убеждений, не имея их сама, она хочет, чтобы мужчина умел рассуждать. В своём труде Вейнингер заключает, что мышление есть специфически мужское свойство и женщина лишена его, потому, что «то, что сексуально притягивает женщину, должно быть свойством мужчины»[1;88-98].

Женщина, как замечает психолог, не личность, а лицо, и хотя она вменяема, она не способна осознать свою вину, какое бы преступление она ни совершила. По своей бездонной лживости она будет обманывать саму себя и отстаивать свою правоту там, где она виновата. Мелочная и завистливая, она в такой же мере противообщественна и аморальна. Государство, политика и общество не имеют для женщины никакого значения. Она стремится отвлечь от них мужчину, втягивая его в свое создание - семьи, которая является антитезой всех форм общения, у неё нет собственной души, она требует души у мужчины. Взятая Вейнингером из средневековья картина мистической фигуры дьявола и воплощённая в книге образом женщины, как непосредственной носительницы зла, вечного соблазна, живого «греха», и мирового зла, отождествляясь с ней, фатально

ускользает из-под контроля морального начала, хранительницей которого является женщина.

В своей книге автор «Пола и характера» резко разграничил мужское и женское и квалифицировал их как категории добра и зла. Вейнингер, по-видимому, сознавал это противоречие и неоднократно пытался его смягчить, указывая, что женщину все же надо уважать как лицо и даже требуя для нее некоторых прав, в которых, по его же словам, она совершенно не нуждается. Женщина - та женщина-признак, которая неотступно стояла перед омраченным взором Вейнингера, - не знает добра и зла. Ей не нужна свобода.

Учёные указывают, что распространив эту противоположность на всех мужчин и на всех женщин, Вейнингер впал в безысходное противоречие не только со своим положением о бисексуальности, но и с постулатами кантовской этики, из которой он исходил. Категорический императив требует признания и уважения личности во всяком человеческом существе, независимо от его эмпирических свойств, а у Вейнингера получился целый класс существ без личности, без сознания, без совести, а, значит, и без права на уважение.

В своей книге Вейнингер также затрагивает современную ему культуру, которая переносит акцент с деятельной природы сознания на деятельный характер бессознательного (воли, желания). Таким образом, в обществе существуют мужчины и женщины не потому, что рождены с определёнными телами, а потому, что в культуре присутствует институт мужчины и женщины, распознаваемые по внешним проявлениям или действиям, прирождённым свойствам, как, например, мускульная сила и твёрдость воли у мужчин [1;22]. Имитируемые признаки мужественности и женственности, как замечает учёный – это имитации, которые постоянно осуществляются, и благодаря тому, что они осуществляются снова и снова,

мужское и женское снова и снова репродуцируется, таким образом переходя в первичные признаки пола. Вполне очевидно, что видение мужественности и женственности, по Вейнингеру, самым серьёзным образом ставит под вопрос само различие природы и культуры. Тело вместо того, чтобы представлять «естественные» категории для полового привлечения, всегда воспринимается как сконструированное теми или иными понятиями и никогда не остаётся просто телом. Мужчина и женщина представляют из себя типы, как утверждает Вейнингер, нигде не существующие в реально чистом виде: «то мы не можем сказать, что половое влечение стремится свести любого мужчину с любой женщиной» (С.31).

Рациональное познание мира мужчиной, по мнению учёного, так как у женщин нет «ясного сознания» расценивается как более правильное и мужественное, нежели познание женщины через «эмоциональное» женское. «Логическое» - правильное мужское мышление, как замечается, намного адекватней окружающей действительности и существованию в обществе. Например, по Вейнингеру, дарование и гениальность у мужчин и женщин представляются так, что одно из качеств присущих мужчине, обесценивает подобное качество женщины или обесценивает его, просто присваивая значимый признак [1;95].

Мышление по признакам пола создает постоянное натяжение между «полюсами», не существует мужского или женского мира, а существуют только «промежуточные половые нормы» [1;15]. Как утверждает учёный, если говорить о худощавых, тонких, плоских, мускулистых, энергичных, гениальных «женщинах», о «женщинах» с короткими волосами и низким голосом, то мы говорим также о безбородых, болтливых «мужчинах». Мы даже признаем, пишет Вейнигер, что существуют «неженственные женщины», «мужеподобные женщины», и «немужественные», «женственные мужчины», автор отмечает, что при рождении определяется

принадлежность человека к тому или иному полу и невозможно указать на общие половые различия между всеми мужчинами и всеми женщинами [1;12-13].

Проблемные философские вопросы теорий личности, затронутые Отто Вейнингером, переворачивают привычные представления и предлагают новые возможности понимания категорий: «биологический пол» и «гендер», «женственность» и «мужественность». За последние двадцать лет философия сделала очевидным, что открываемое в «реальности» или в «природе», если не определяется полностью, то, по меньшей мере, сильно затрагивается описанием в науке, культуре и политике. В этом смысле политика и культура присутствуют внутри природы или, по крайней мере, внутри нашего ее понимания.

Как известно, существует целое направление исследований, посвященных изучению проблемы личностной адаптации и саморегуляции в рамках парадигмы "диморфизма". Американские исследователи А. Штейман и Д. Фокс предположили в качестве базовой модели развития идентичности наличие совокупности маскулинных и фемининных черт независимо от половой принадлежности [2]. Личность, как утверждает К. Хейлбрум, демонстрирующая как маскулинные, так и фемининные характеристики, обнаруживает большую гибкость в пределах полоролевого поведения, чем носители только маскулинности или фемининности. Субъект может развивать свою маскулинность независимо от имеющегося у него уровня фемининности [3;19-167].

Понятия философских конструктов "маскулинности" и "фемининности" в концепциях Парсонса и Бейля рассматриваются в контексте личностно-ситуационного взаимодействия. У личности нет определённого гендера. Маскулинность проявляется в ориентации личности на достижение целей за пределами непосредственной ситуации

межличностного взаимодействия и характеризуется нечувствительностью (невосприимчивостью) к эмоциональным реакциям окружающих; фемининность заключается в направлении интересов личности непосредственно на ситуацию межличностного взаимодействия: с учетом эмоциональных реакций окружающих.

Маскулинная половая роль, таким образом, в соответствии с теорией Парсонса, включает те типы поведения, которые обычно ожидаются от мужчин для поддержания целевой ориентации и отражают невосприимчивость в межличностных контактах. Фемининная же роль включает в себя виды активности, ориентированные на поощрение взаимно полезных качеств в межличностных взаимодействиях. Инструментальная компетентность проявляется через уровень достижений при наличии широты знаемых целей, преимущественно относясь к развитию маскулинной роли. Экспрессивная компетентность определяется в терминах успешности межличностных взаимоотношений, обуславливая развитие фемининной роли [4].

Известная исследовательница Донна Харауэй считает, что в современном мире женщины помещены в многонациональные социальные, культурные и технические системы, которые зависят от науки и технологий. На смену традиционным женщине и мужчине приходит киборг (кибернетический организм), способный преодолеть противоречия полов, в котором собраны все лучшее качества, а том числе и андрогинные. Киборг - это творение постгендерного мира. Он не имеет отношения к бисексуальности, доэдипову симбиозу, отчуждённому труду или другим соблазнам в отношении органической целостности через конечное применение всех сил частей в высшее единство [5;150].

Джейн Флэкс, другой теоретик философии постмодернизма, поясняет точку зрения Д.Харауэй: киборг – это феномен, нарушающий

определённые, прежде доминировавшие разграничения, в частности, между людьми и животными, людьми и машинами, сознаниями и телами, материализмом и идеализмом. Он отрицает прежние надежды на единство и целостность, выраженные в таких идеалах, как неотчужденный труд, сообщество как семья и женщина как богиня. Скорее киборг выявляет повышенное осознание границ, тёмной стороной которых для Харауэй выступает растущий индивидуализм. Историчность маскулинности проявляется в изменениях, вносимых в ее структуру в ходе исторических процессов. Под влиянием культурных и экономических факторов и технологического развития общества меняются социальные практики мужчин и женщин, что приводит к изменению традиционных гендерных ролей [6].

Как известно, Вейнингер обозначил половой дифференциации онтологический характер, расставив мужчину и женщину как субъект и объект в своей знаменитой работе. Мужчины и женщины обладают разными степенями содержания маскулинности и фемининности, они могут быть более или менее маскулинными, феминными или же андрогинными, сочетающими в себе и мужские и женские качества. Из утверждённого выше, можно сделать вывод, что маскулинность и фемининность многогранны и многомерны, «мужское» телосложение может сочетаться с «женскими» интересами и чувствами, и наоборот, причём это зависит от ситуации и окружающей деятельности, и жёстко не сводится только к сексуальной ориентации. Энтони Гидденс утверждает, то на месте бинарной оппозиции «мужской/женский» формируется континуум, в котором «абсолютные» идентичности являются только лишь крайними точками. Многие исследователи говорят о том, что изменился сам порядок гендерных предписаний, и сейчас индивид имеет право и возможность определиться с тем, чтобы быть ему мужчиной, женщиной или «in between», носителем как маскулинных, так и фемининных характеристик.

Библиографические ссылки.

1. Вейнингер О. Пол и характер. - М.: Латард, 1997. - 358 с.
2. Steinman A., Fox D.J. The male dilemma: How to survive sexual revolution. N.Y.: Jason Aronson, 1974. 287с.
3. Heibrun A. Human sex-role behavior. N.Y.: Pergamon Press, Emory University, 1981. 238p. P. 19-167
4. Parsons T., Bales R.F. Family, socialization, and teraciton process. Glencoe, 111, Free Press, 1955. - 344p.
5. Haraway, D. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century // Haraway, D.J. Simians, Cyborgs, and Woman. The Reinvention of Nature. – New York, London: Routledge, 1991. - P.150
6. J.Flax Postmodernism and Gender Relations in Feminist Theory // Feminism/ Postmodernism. – Ed. Nicholson L.J. – New York, London: Routledge, 1990. - P.41